

Шеллинг

Статья из журнала «Москвитянин», 1854

Сообщенное иностранными и русскими газетами известие о смерти Шеллинга дает нам случай сказать несколько слов о литературной деятельности этого философа, одного из великих мыслителей 18-го и 19-го столетий. Ряд его сочинений, по справедливому замечанию Гегеля, представляет собою историю его развития, ступени его философского образования.

Фридрих Вильгельм Иосиф Шеллинг был сын деревенского пастора и родился в Виртемберге 27 января 1775 года, около двадцати лет спустя после рождения своего учителя Фихте (родился в мае 1762 года) и пять лет после своего великого ученика Гегеля (родился в 1770 году), — когда Кант был уже доктором философии и пользовался славою первого мыслителя того времени *. На шестнадцатом году Шеллинг поступил в теологическую семинарию в Тюбингене, где около трех лет жил вместе с Гегелем, занимаясь изучением Богословия, филологии и критической философии Канта. Его мысль очень рано достигла замечательного развития, на что явно указывают сочинения, написанные им во время его пребывания в Тюбингене.

Первое его сочинение, которое написал он в 1792 году на степень магистра, имеет своим предметом философическое объяснение Моисеева повествования о происхождении зла (*Antiquissimi de prima malorum origine philosophematis explicandi Genes. C. III. tentamen criticum*)¹. В следующем году напечатано было его второе рассуждение: «О мифах, исторических са-

* Фактические сведения о жизни и сочинениях Шеллинга заимствованы преимущественно из книги Эрдмана: *Die Entwicklung d. deutschen Speculation seit Kant. Leipzig., 1853. Th. 2-я.* Этих сведений в настоящее время очень немного; но надобно ожидать, что скоро будет составлена полная биография Шеллинга.

гах и философемах древнейшего мира», из которого, между прочим, видно, что он был уже в это время знаком с идеями Гердера. Изучая различные философские системы современных мыслителей, Шеллинг чувствовал в себе потребность найти твердое начало для создания полной системы философии и видел, что ни одна из знакомых ему систем не удовлетворяет этой потребности. Под влиянием этого расположения написаны были им (в 1794—1795 г.) два трактата — один «О возможности единой формы философии вообще» — и другой «О Я, как начале философии, или о безусловном в человеческом знании». В журнале *A. Lit. Zeit.* 1796 года, 11 октября, появилась колкая рецензия на последний трактат². Шеллинг отвечал антикритикою, в которой, между прочим, дурно отозвался о трудах Рейнгольда, вероятно, думая видеть в нем своего рецензента³.

На самом деле Рейнгольд был не виноват в письме к Фихте: он даже порицал рецензента и находил неуместными и оскорбительными его насмешки над благородными стремлениями молодого мыслителя. И антикритика Шеллинга была, может быть, первою причиною вражды между им и Рейнгольдом*. Понятия, высказанные Шеллингом в обоих этих сочинениях, весьма сходны с учением Фихте, который сам признавал их дальнейшим развитием и объяснением начал своей философии. Но ни Фихте, ни другие современные мыслители не заметили, что уже и в этих сочинениях молодой философ часто возвышается над точкою Фихтева мирозерцания. Тот способ, по которому у Шеллинга субъективное и объективное поставляются в совершенно одинаковое отношение к Безусловному, определение Безусловного, как абсолютного единства мысли и бытия, явно выраженное намерение перенести на абсолютное Я предикаты, усвоенные субстанции Спинозою, — все это показывает, что, когда Шеллинг писал упомянутые трактаты, он уже начал понимать односторонность субъективной философии Фихте и чувствовал нужду исправить ее недостатки.

В 1795 году, когда Рейнгольд и многие другие последователи Канта, на основании его Критики Чистого Разума, покушались создать философию строго догматическую, Шеллинг напечатал свои «Философские письма о догматизме и критицизме» — лучшее из всех его сочинений, до того времени изданных, в

* Карл Леонард Рейнгольд (1758—1823) был последователем Канта и сделался известным в философской литературе чрез свой «Опыт новой теории человеческой способности представления», изданный в 1789.

котором он все еще придерживается начал Фихтевой философии. Однако же впоследствии, говоря об этих письмах, он сам справедливо замечал, что сказанное в них: о соединении всех противоположностей в абсолютном содержит в себе зачатки его позднейшего учения. То же самое можно сказать о другом сочинении Шеллинга, которое явилось почти в то же время в философском журнале, под заглавием: *Neue Deduction des Naturrechts*⁴. Прочитав это сочинение, Фихте был неприятно удивлен тем, что дотоле бывший ученик его философии теперь приходит к результатам, далеко для нее неблагоприятным.

В 1796 году Шеллинг оставил Тюбинген и перешел в Лейпциг, где продолжал ревностно заниматься изучением философии, математики, физики, медицины и филологии. Здесь же он написал несколько статей, которые сначала появились под одним заглавием: «Общий обзор новейшей философской литературы», а впоследствии были значительно пополнены и напечатаны в форме нескольких отдельных рассуждений. В них беспристрастно и основательно разбираются теоретические и практические начала Канта, Рейнгольда, Бека и Фихте. Это были последние сочинения Шеллинга, о которых еще можно сказать, что они написаны под влиянием философии Фихте.

1797 год был очень замечателен в жизни Шеллинга: в то время он страдал мучительною и опасною болезнью; и вместе с благоприятным переломом болезни, казалось, совершился счастливый переворот в его философских идеях. В этом году Шеллинг напечатал свои «Идеи о философии природы» — труд, весьма важный для разумения его философии и открывший собою ряд сочинений, в которых мыслитель явно и решительно уклонился от учения Фихте и развил собственные оригинальные понятия о системе абсолютного тождества. В 1798 году он занял место учителя философии в Йенском университете (где профессором философии был в то время Фихте) и там особенно подружился с Августом Шлегелем. Кроме небольших статей, напечатанных в философском журнале, Шеллинг издал в то время свое сочинение «О душе мира», в котором, по его собственным словам, раскрывается теория высшей физики, объясняющая организм мирового бытия. В зимний семестр того года он читал в Йене лекции о *философии природы и трансцендентальном идеализме*, которые вскоре были изданы и составили две главные части его системы философии. После этого семестра Фихте, по некоторым обстоятельствам, должен был оставить кафедру в Йенском университете и удалился из Йены. До этого времени Шеллинг сохранял добрые, почти дружеские от-

ношения к Фихте, несмотря на свое разногласие с ним во многих пунктах философского учения. Но как только Фихте оставил Йену, сначала А. Шлегель, а потом и Шеллинг стали печатать резкие и колкие отзывы о его философских трудах и мнениях*.

По примеру Шлегелей, которые чрез *Атенеум*⁵ старались распространить свои критико-эстетические идеи, Шеллинг с 1800 года стал издавать особый *Журнал для спекулятивной физики*, главною целью которого было развитие и уяснение его идей о предметах естественной философии. В порядке напечатаны были, впрочем, только две книги этого журнала: в первой раскрывается понятие о *динамическом процессе*, или о категориях физики⁶, и, кроме того, помещена рецензия Стеффенса на сочинения издателя о философии природы; во второй, после статьи Эшеймайера о высшем начале философии природы, читатель находит составленное самим Шеллингом в геометрической форме изложение его философической системы⁷. Как в предисловии к этому изложению, так нередко и впоследствии Шеллинг указывал на него, как на подлинное и истинное представление своей философии. В 1801 году в Йенский университет принят был в качестве доцента философии прежний знакомый Шеллинга, новый, тогда еще мало известный мыслитель, Гегель, который в своем сочинении о различии между философиею Фихте и философиею Шеллинга сильно защищал последнюю и доказывал ее превосходство над первою. Впрочем, из этого же рассуждения видно, что холодный, строгий и по преимуществу диалектический гений Гегеля и тогда уже не был доволен философским энтузиазмом, который под именем непосредственного интеллектуального созерцания занял в школе Шеллинга место наукообразного метода исследования.

Между тем ясно высказавшееся направление Шеллинга к изучению природы во всей ее целостности, и вообще к естествознанию, похвала, возданная им нозологии Броуна⁸, позже сделанный философом опыт развить и привести к твердым началам физиологические исследования этого ученого, привлекли на сторону Шеллинга многих естествоиспытателей и особенно медиков, принимавших теорию Броуна. Скоро Шеллинг был признан доктором медицины, к величайшей досаде его противников, которые старались представить его не более как мечтателем в

* В это время судьба жестоко гнала несчастного Фихте, который, впрочем, и среди несчастий сохранил твердость духа и сознание своей нравственной правоты.

деле естествознания. Несмотря на их противодействие, во многих отношениях справедливое, Шеллинговы идеи о началах и процессах жизни природы более и более распространились не только между отвлеченными мыслителями, но и в кругу тех ученых, которые в познании природы держались более эмпирического способа исследования. Стеффенс, Окен, Шуберт, Виндишман, Трокслер, Шельвер, Эннемозер⁹, Карус, Ешенмайер, Геррес и многие другие были более или менее учениками и последователями естественной философии Шеллинга.

В 1802 году Шеллинг возобновил свой *Журнал для спекулятивной физики*, в котором напечатано было несколько отрывков из его системы философии и его же отдельное рассуждение о четырех благородных металлах¹⁰. В то же время он, вместе с Гегелем, издавал *Критический журнал философии*: статьи журнала являлись без всякой подписи, и это обстоятельство было причиною того, что после смерти Гегеля его ученики долго спорили о том, кому из издателей журнала и какие именно принадлежат статьи. Этот спор, между прочим, доказывает, что во время издания «Критического журнала» мысли Гегеля были весьма сходны с мыслями Шеллинга.

В том же году Шеллинг напечатал свое знаменитое сочинение. «Бруно, или О естественном и Божественном начале вещей» и читал свои *Forlesungen über akademisches Studium*¹¹, которые были изданы в следующем году и составили самое верное выражение его философской системы, как она раскрылась до того времени. В 1803 году университет Вюрцбургский, выбирая для себя наставников из людей, наиболее известных своими талантами и ученостью, пригласил к себе, вслед за Павлюсом и Гуфеландом¹², и Шеллинга на кафедру философии. Личные неприятные отношения его с некоторыми наставниками этого университета, и в особенности с Вагнером, кажется, были причиною, что он скоро задумал оставить Вюрцбург. Вагнер прежде держался мнений Шеллинга и защищал его философию. Но около этого времени последний издал свое рассуждение о *философии и религии*, в котором выступали следы его нового направления, не совсем согласного с его прежними понятиями, — и Вагнер стал противником Шеллинга и называл его новое учение «подогретым платонизмом». Вместе с Вагнером вооружались против Шеллинга и другие наставники Вюрцбургского университета, и между ними Франц Берг¹³, профессор церковной истории, который еще до прибытия Шеллинга в Вюрцбург утверждал, что его учение есть не более как смешение Фихте и Спинозы, мистицизма и философии, гностических понятий с

неоплатоническими. В 1806 году Шеллинг напечатал небольшой трактат «Об отношении реального и идеального в природе» и потом еще полемическую статью против Фихте, под заглавием: «Объяснение истинного отношения философии природы к обновленному учению Фихте». Статья написана с какою-то раздражительностью и содержит в себе много выражений, несправедливых по существу дела и весьма оскорбительных для чести Фихте, как самостоятельного философа*. С того же года Шеллинг, вместе с Маркусом, стал издавать обещанные еще два года тому назад *Jahrbücher der Medicin als Wissenschaft*, в которых, кроме предисловия, принадлежат Шеллингу «Афоризмы для введения в философию природы», «Предварительное объяснение точки зрения медицины по началам философии природы» и еще «Афоризмы о философии природы», последние сочинения его, касающиеся предметов естествознания.

Из Вюрцбурга Шеллинг перешел в Мюнхен, где скоро был принят в число академиков, и в 1807 году говорил речь: «Об отношении образовательных искусств к природе». Якоби в письме к Гете отозвался об этой речи, как о неудачной попытке скрыть пантеизм, и этот отзыв послужил поводом к неприятностям между Якоби и Шеллингом, еще более усилившимся от последующих затем обстоятельств. Чрез два года после того издана была первая и единственная книга философских сочинений Шеллинга¹⁴, прежде напечатанных в разное время и в разных местах: прибавлен был только один новый трактат «О существе человеческой свободы», в котором с выразительностью высказаны и развиты начала его нового учения. Между прочим, в этом трактате Шеллинг жестко выразился против часто повторяемых Якоби мыслей, что спекулятивное мышление всегда приводит к фатализму, что философия Спинозы есть единственная последовательная система и т. п. Якоби был не такой человек, чтоб равнодушно мог вынести публично и резко сделанные замечания о его философских понятиях. Гаман¹⁵ весьма удачно охарактеризовал этого философа, назвав его «самоучителем». В деле науки он никогда не мог возвыситься над своею индивидуальностью и так высоко ценил свои личные убеждения, что все другие философские системы имели для

* Шеллинг даже говорил, что Фихте многое *украл* из его философии. С этим, конечно, нельзя согласиться. Но то справедливо, как заметил Эрдман, что некоторые понятия, высказанные Фихте мистически и вопреки своему прежнему учению, с строгою последовательностью вытекают из оснований системы тождества.

него большее или меньшее достоинство по той мере, в какой они подходили к его собственному образу мышления. Весьма раздражительный в этом отношении, он даже сам говорил, что если его искреннейший друг сочинил такую вещь, как Прометей (Гете)¹⁶, то он уже более не может быть его другом. С такою же раздражительностью он в своем трактате «О Божественных вещах и их откровении»¹⁷ написал несколько замечаний о философии Шеллинга, и при этом превратно истолковал и ложно процитировал некоторые места из его сочинений (надобно сказать, что Якоби нередко действовал подобным образом в своей критике чужих мнений). Шеллинг в рецензии упомянутого сочинения Якоби отвечал своему противнику еще с большим жаром и в более резких выражениях¹⁸. Справедливость была на его стороне; но оскорбительный тон его рецензии неприятно поразил всех уважавших труды и стремления семидесятилетнего философа и оттолкнул от Шеллинга многих прежних его почитателей.

В 1813 году Шеллинг принял на себя издание нового «Всеобщего журнала от Немцев для Немцев», в котором помещен его ответ Эшенмайеру по поводу замечаний последнего на понятия Шеллинга о человеческой свободе¹⁹. Во все остальное время своего пребывания в Мюнхене (до 1820 года) Шеллинг занимался преимущественно изучением мифологии и религиозной философии и трудился над большим сочинением, в котором он, кажется, хотел изложить философию истории, но прежде всего и с особенною тщательностью старался охарактеризовать развитие религиозного сознания древних народов. В 1815 году он хотел издать часть этого сочинения, именно трактат «О божествах Самофракии»; и 15 листов было уже напечатано, как Шеллинг, неизвестно по каким причинам, остановил дело, уничтожил напечатанное и собственную рукопись. С этого времени начинается его странное, доселе ничем вполне не объясненное, литературное поведение, его упорство скрывать свои лекции от публики, иметь только слушателей, но не читателей.

В конце 1820 года Шеллинг перепросился в Эрланген, жил там несколько лет и читал лекции о разных предметах философии. По открытии университета в Мюнхене (в 1826 году) Шеллинг занял в нем место профессора философии и вскоре был сделан президентом академии наук. В 1827 году он начал свои лекции чтением о возрастах мира, а потом, в последовательном порядке, читал общую философию, историко-критическое введение в философию, философию мифологии и философию откровения: последняя должна была служить продолжением и

заклЮчением первой. Но эти лекции были известны только их непосредственным слушателям. В 1830 году Шеллинг решил было напечатать свои *Mythologischen Vorlesungen*, но, получив из типографии 16 листов первой книги этого сочинения, он запретил дальнейшее его печатание. По временам журналы объявляли, что скоро будут изданы его чтения о мифологии; некоторые даже положительно говорили о них, как уже о напечатанных. В каталог книг за 1836 год была обещана Шеллингова «Философия мифологии». Но все эти обещания и объявления журналистов и книгопродавцев не заставили Шеллинга прервать свое литературное молчание. И надежды публики столько раз были обмануты, что она уже стала считать оконченным поприще его философской деятельности. В это именно время, с разных сторон, сыпались на Шеллинга насмешки, одна другой оскорбительнее, и разные обвинения, одно другого нелепее. Одни вооружались на его философию и старались всеми мерами открыть в ней стороны не только слабые и смешные, но и безнравственные; другие касались его личного характера и покушались заподозрить его поведение.

Некоторые уверяли, что Шеллинг принадлежит к какой-то полуполитической и полурелигиозной партии, что он участвует в происках иезуитов и вместе с ними втайне старается восстановить католицизм во всей Германии. Чтобы понять до какой злонамеренной несправедливости и нелепости доходили враги Шеллинга достаточно при этом вспомнить, что некоторые из них, забыв его благородный, проникнутый нравственным началом образ мышления, его нерасположения к мечтательным стремлениям республиканцев и социалистов и привязанность к монархическим идеям, забыв все это, сравнивали его с аббатом Ламке, проповедником эгоизма, ненависти, раздора и безначалия.

Нет сомнения, что продолжительное молчание и скрытность Шеллинга были не последними причинами всех этих и подобных клевет. Конечно, он знал это сам и, однако же, молчал и с терпением переносил все обвинения, на него возводимые. Этого мало: по свидетельству некоторых, он даже запрещал своим ученикам сообщать кому бы то ни было содержание его лекций в своих записках (*Histoire de la philosophie Allemande depuis Kant jusqu'a Hegel. Par J. Willm. Paris, 1847. Tom. III*). И они, из уважения ли к своему великому учителю или по каким-нибудь другим причинам, действительно хранили втайне его учение. Надобно еще сказать, что в это время число слушателей Шеллинга было весьма ограничено и что немногие из них по

своим дарованиям могли настоящим образом оценить его новую философию. Во всяком случае понятия учеников не всегда служат верным выражением идей их учителя; напротив, нередко бывает, что чем талантливее ученик, тем он самостоятельнее, и, следовательно, тем менее сходства может быть между его суждениями и образом мыслей его наставника.

Между тем как Шеллинг молчал и был унижаем даже и теми, которые прежде приходили в восторг от его лекций и сочинений, на горизонте философского мира Германии взошло новое светило философии. Прежний сотрудник и друг Шеллинга Гегель достиг славы беспримерной в летописях истории философии. Крепость и оригинальность мысли, глубина и строгость анализа, редкая сила и последовательность диалектики привлекли на сторону Гегеля весьма многих лучших мыслителей того времени. Молодые умы так называемой юной Германии привлечены были к нему новостью и отважностью его стремлений, решительностью его приговоров, дерзостью умозаключений и едва ли не беспримерною надменностью его разума, обещавшего в своем безумии раскрыть недомыслимые тайны Божественного бытия. Многие из прежних почитателей Шеллинга теперь сделались последователями Гегеля, в том убеждении, что последний, усвоив себе начала первого, дал им более наукообразную форму, более широкое и плодотворное развитие. По смерти Гегеля его слава не уменьшалась: она была поддерживаема его учениками, которые занимали профессорские кафедры во многих лучших университетах Германии — в Берлине, в Эрлангене, в Гейдельберге, в Лейпциге, в Кенигсберге, в Бонне, в Тюбингене и других городах.

При таких обстоятельствах легко можно было подумать, что слава Шеллинга погибла навсегда. Но в 1834 году он опять обратил на себя внимание германских мыслителей. Сначала Шталь²⁰ в своей «Философии права», появившейся около того времени, дал ясно понять многим, что начало нового учения Шеллинга, по его собственному разумению, различно от того, которое было положено им в основании системы тожества, и что он отнюдь не может согласиться с Гегелем во многих пунктах, и даже с горечью отзывается о нем. Потом и сам Шеллинг явился пред публикою с своим *Предисловием* к Беккерсову переводу введения²¹, напечатанного Кузенем при втором издании своих философских лекций, где решительно высказал, что его система абсолютного тожества есть только одна, и притом *отрицательная* часть его философского учения, и что «новый Вольф, опоздавший своим появлением в историю» (так назы-

вал Шеллинг Гегеля), несправедливо признает эту часть за его полную систему, целость которой требует другой, *положительной* части. Сильная и колкая полемика против Гегеля (его в то время уже не было на свете), обещание издать эту последнюю часть, как нечто новое и решительное, были причиной того, что удивление к гению Шеллинга опять пробудилось в публике и возросло до огромных размеров. Может быть, никогда так не прославляли Шеллинга, как в то время, когда узнали, что он публично и с энергиею восстает против Гегеля, хочет издать свои новые сочинения и в них обещает разрешить труднейшие проблемы философии. Ученики Гегеля не оставили упомянутого предисловия без резких замечаний с своей стороны. Но враги Гегелевой школы уж стали поговаривать, что ее господство в философском мире скоро должно упасть и уступить место более основательному учению скоро имеющей появиться *положительной* философии. Вообще все мыслители германские находились в каком-то волнении, все ожидали чего-то необыкновенного в философии, когда в 1844 году Шеллинг занял философскую кафедру в Берлинском университете. В первой вступительной лекции он кратко изложил программу своего нового полного курса философии и высказал много весьма пышных обещаний касательно общей реформы этой науки. Теперь уже, говорил он в этой лекции, сорок лет прошло после того, как я имел счастье раскрыть новый лист в истории философии, первая страница его уже исписана, и я охотно уступил бы другому начать новую страницу. Вполне понимаем всю важность и трудность этого дела, но не можем и считаем бесчестным для себя отказаться от него, потому что чувствуем в себе неодолимое призвание к его выполнению. Не любовь к суетной славе и не другие какие-либо нечистые виды, но именно это внутреннее призвание и соединенная с ним ревность к распространению истинной философии руководили им в настоящем случае. Свое беспристрастие и бескорыстное служение истине он доказал прежнею своею деятельностью в пользу философии, своим продолжительным молчанием и терпеливым перенесением многих оскорблений, ему сделанных. Человек, который, оказав значительное содействие успехам философии, считал приличным предоставить другим полную свободу развиваться, который вдали от театра своей прежней деятельности молчаливо переносил все отзывы о нем и не согласился прервать молчания даже и в тех случаях, когда стали злоупотреблять им; человек, который, обладая философию, сообщающею истинные, давно желанные познания, и способною возвести человеческую

науку выше ее настоящих пределов, позволил сказать о себе, что он отжил свое время, и который наконец прервал свое молчание только для того, чтоб исполнить свой высокий долг, — этот человек не совершил ли великого подвига самоотвержения? И не доказывает ли все это, что он чужд надменности и не домогается кратковременной славы? Он пришел в Берлин не для того, чтоб восстать на своих врагов или опровергнуть учение своих противников: его призвание требует от него, чтоб он забыл все зло, ему сделанное, и явился примирителем всех партий и всех противоречий в философии. Опыт долголетней жизни и ученой деятельности указывает ему необходимость и средства исцелить все раны, нанесенные философии неразумною политикою. Он позволял себе делать критические замечания о различных системах философии, прежних и современных, только в тех случаях, где это необходимо для его славной цели. А его цель не разрушать, но созидать, и созидать на тех же самых основаниях, какие прежде положил он: все, сделанное для философии со времен Кантовых, будет сохранено и оправдано им по своей сущности. Но как он поступит с своею прежнею философскою системою? Должен ли он уничтожить это «произведение своей юности?» Нет, его намерение не в том состоит, чтоб создать другую философию на место прежней, но чтоб прибавить к ней новую науку, которую доселе считали невозможною: чрез это и прежняя философия будет утверждена на ее истинных и непоколебимых основаниях, которых она лишилась, когда выступила из своих естественных границ и когда ее стали принимать за нечто целое, между тем как она могла и должна составить только одну часть целого. Но, желая примирить все противоречия, возникшие в новейшей философии, он считает самую существенную часть своего долга обратить особенное внимание на враждебное отношение этой философии к целям практической жизни и к положительным верованиям религии. Эти цели и верования не должны быть забыты в новой науке, которая желает называться положительною философиею и иметь дело не с отвлеченными понятиями, но с действительным миром; она погибнет, если не примирится с вечно истинным учением откровения и не укажет средств удовлетворить необходимым потребностям жизни. Эту задачу преимущественно имеет в виду он, Шеллинг, и чрез ее разрешение надеется спасти философию от угрожающей ей опасности (см.: Schelling's erste Vorlesung in Berlin, 15 ноября 1841 года).

Легко представить себе, какое сильное впечатление произвела эта лекция Шеллинга на его слушателей и сколько живых и

радостных надежд возбудило в них его обещание сообщить философскому миру эту «новую науку» и в ней разрешить труднейшие вопросы философии и примирить разум с откровением. Но проникательнейшие из его слушателей не долго питали эти надежды. По той мере как раскрывалась пред ними сущность положительной философии, они более и более убеждались, что она не оправдывает вполне их ожиданий, что Шеллинг поддался сам обольщению и слишком много взял на себя и что его цель благородная, великая, не может быть достигнута тем путем, которым он хотел прийти к ней. К сожалению, они были правы: обещания Шеллинга, по крайней мере самые важные из них, действительно остались неисполненными. После предварительной лекции Шеллинг читал сперва о философии откровения, а потом о философии мифологии. Публика скоро познакомилась с содержанием его лекций чрез издание и критику записок, составленных его слушателями. В 1842 году появилось несколько брошюр о новой философии Шеллинга. Между ними книга Освальда («Шеллинг и Откровение. Критика новой попытки произвести реакцию против свободной философии». Лейпциг, 1842 года)²² и книга Глазера («Различие между философиею Шеллинга и философиею Гегеля». Лейпциг, 1842 года), едва ли могут быть добрыми руководствами для того, кто захочет понять истинный характер нового Шеллингова учения. Они написаны так, что читатель не может с точностью определить, что в них принадлежит самому Шеллингу и что составляет собственность его критиков. А грубая и привязчивая полемика, допущенная в этих книгах, заставляет предполагать, что их сочинители были весьма не расположены к Шеллингу и позволяли себе несправедливо и злонамеренно перетолковывать его слова и мысли. Более правды и благородного уважения к словам великого мыслителя видно в брошюре Фрауенштедта, который в том же году издал сокращение Берлинских лекций Шеллинга (Schelling's Vorlesungen in Berlin, Darstellung und Kritik d. Hauptpunkte derselben, mit besonderer Beziehung auf das Verhältniss zwischen Christenthum und Philosophie. Berl., 1842 года). Сам Шеллинг, впрочем, не сделал ни одного замечания о том, верно ли и насколько верно изложено его учение в этих брошюрках. Его молчание может быть толкуемо и в ту и в другую сторону; но, конечно, несправедливо думать, будто чрез это молчание Шеллинг хотел на всякий случай оставить для себя возможность объявить свой голос за или против всех так называемых изложений его положительной философии. Такая уловка, свойственная литературным шарлатанам, нам кажется

несообразною ни с нравственным характером Шеллинга, ни с достоинством его, как мыслителя. Но не так он поступил, когда доктор Павлюс издал самый текст его лекций о положительной философии Откровения (*Die endlich offenbar gewordene positive Philosophie d. Offenbarung oder Entstehungs-Geschichte wörtlicher Text, Beurtheilung und Berichtigung der von Schelling'schen Entdeckungen*. Darmstadt, 1843 года). Шеллинг назвал Павлюса вором и жаловался на него правительству, как на похитителя прав литературной собственности. Жалоба не принесла Шеллингу ни малейшей пользы, а между тем придала книге Павлюса большой авторитет и заставила всех думать, что в ней действительно содержится подлинное учение положительной философии. В какой мере справедливо это последнее предположение, трудно решить; поступок Шеллинга может быть объясняем и тем, что он чувствовал себя глубоко оскорбленным дерзостью Павлюса и вышел наконец из терпения от наглых посягательств на его литературную собственность. Павлюс, конечно, имел у себя под руками записки Шеллинговых слушателей во многих экземплярах; но как бы ни были внимательны слушатели к лекциям своего профессора, с какою бы ревностью ни старались они записать каждую его мысль, в их записках всегда будет много недосказанного, двусмысленного и неверного. Это бывает всегда, но особенно легко может быть в тех случаях, когда лекции наставника, как лекции Шеллинга, касаются предметов, далеко не общедоступных, рассматривают вопросы глубокие, или отвлеченные, или когда самый образ изложения лекций требует для их уразумения со стороны слушателей напряженного внимания и доброго знакомства с тонкостями диалектики (и это надобно сказать о берлинских лекциях Шеллинга). Кроме того, записки слушателей не могут быть напечатаны в своем первоначальном виде; они требуют строгого сличения, исправления и дополнения со стороны издателя, потому что он самым делом своим обязывается по этим отрывочным, часто неправильным и несогласным между собою заметкам слушателей представить нам до известной степени полный образ мыслей профессора в их систематическом развитии. При всем этом сколько не принадлежащего философу может войти в подобные очерки его учения? Вот почему надобно с великою осторожностью пользоваться указанными «изложениями» положительной философии Шеллинга; ни в каком случае они не могут дать критику права составить решительный приговор о характере и смысле этой философии, как бы ни уверяли нас их издатели в своей добросовестности и в верности представленного текста Шеллинговых лекций.

Сам Шеллинг в это время не напечатал из своих трудов ничего, кроме нескольких небольших статей, незначительных по содержанию, и опять стал тщательно сохранять тайну своего нового учения. В одном из немецких журналов было объявлено, что он решился наконец издать историю, критику, положительную философию, философию мифологии и откровения, а философию природы завещал напечатать после его смерти. Известие это основывалось на письме Неандера²³, который был другом Шеллинга, но оно оказалось несправедливым. Молчание Шеллинга опять вызвало сильную вражду против его философского учения и личного характера. Христиан Капп²⁴, Павлюс и некоторые другие, и в особенности мелкие последователи Гегелевой школы, с постыдною ревностью выдумывали, собирали и печатали нелепейшие клеветы и обвинения на Шеллинга; самым непозволительным образом перетолковывали его слова и поступки и всеми средствами старались доказать, что он действует в литературе и в жизни, как осторожный и ловкий шарлатан. Они не хотели допустить, что философ имел весьма достаточные для него причины не сообщать публике своего нового философского учения. Под влиянием раздражительности, свойственной мелким и завистливым умам, они не уважали прежней славы, прежних заслуг Шеллинга; и нападали на него, может быть, в той уверенности, что он, давно оставивший всякую полемику, не станет защищаться. Вообще во всей истории философии, как справедливо заметил Эрдман, едва ли можно найти другого мыслителя (за исключением разве Гегеля), который, подобно Шеллингу, с одной стороны, пользовался бы таким энтузиастическим уважением, а с другой — был бы предметом столько же клевет и злобных насмешек. Последователи и противники Шеллинга спорили о смысле и достоинстве его отрицательной и положительной философии; но он сам не принимал никакого участия в этих спорах, в молчании принимал все благоприятные и неблагоприятные отзывы о нем и до конца своей жизни (20 августа настоящего года) оставался как бы в стороне от современных философских движений.

Оставил ли Шеллинг после своей смерти какие-нибудь записки, и если оставил, то достаточны ли они для того, чтобы вполне разъяснить тайну его подлинного учения о положительной философии, — об этом пока еще ничего не известно. Но что же заставляло его облекать свое учение тайною? Откуда в нем возникло это непоколебимое желание скрывать свои идеи от публики? Самолюбивое ли опасение Шеллинга за свою славу, при великой славе Гегелевой школы, и при недоверии к соб-

ственным силам, или мысль, что его перестали понимать, или внутреннее недовольство своим учением, соединенное с чувством своей нравственной неправоты, с чувством того, что он обманул ожидания публики, им возбужденные, но неудовлетворенные, или все эти и другие причины вместе были виною его упорного молчания — это трудно решить. Что касается до нас, мы не думаем видеть в этом молчании ничего такого, за что по справедливости следовало бы строго порицать Шеллинга, как делали это враги его. В древности некто из весьма умных людей сказал одному философу, не любившему разглашествовать о своем учении: *Si sapiens es, male facis, si non, sapiens es*, т. е. если твое учение истинно и мудро и ты скрываешь его, то худо делаешь; в противном же случае твое молчание весьма благоразумно. Прежде Шеллинг печатал свои философские сочинения и не только не скрывал своих мыслей, но даже старался чрез особый журнал распространить их в германской публике, потому что в то время он крепко был убежден в их истинности и плодотворности. Но он замолчал, как скоро оставило его это убеждение и уступило свое место в его душе колебанию, сомнению в результатах своей мысли и недоверию к себе. Тогда, заметив по его собственным словам, односторонность своего прежнего учения, он долго трудился, желая исправить, дополнить его чрез раскрытие другой стороны предмета. Из мира отвлеченностей он перешел к миру действительному, историческому, в продолжение нескольких лет изучал отдаленнейшие предания и мифологию древних народов, с глубоким вниманием читал священные книги Откровения и сочинения церковных писателей, в той справедливой уверенности, что в христианстве кроется живой источник истинной и плодотворной философии и что в познании Божественных вещей философствующий разум должен руководствоваться высочайшим авторитетом Откровения. В это время он уединялся от шума общественной жизни и от всех современных волнений, нередко скрывал свое местопребывание даже от друзей, дабы ничто не помешало ему сосредоточить все внимание, всю силу своего гения на предмете его исследований. Без сомнения, в эти годы многое из того, что прежде тщетно старался он понять, озарилось для него новым светом, дотоле неведомым. В минуты такого просветления мысли Шеллингу, может быть, не раз приходило желание поделиться с публикою своими новыми воззрениями. Но он не поддавался этому желанию, терпеливо ожидая того времени, когда его идеи созреют вполне и его мысль станет твердою ногою на избранном пути. Когда, по его мнению, на-

стало это время и он убедился, что владеть философией, которая открывает новые, давно желанные познания и широко распространяет пределы человеческого ведения, тогда Шеллинг счел своею обязанностью раскрыть начала этой философии для публики и оправдаться пред нею в своем продолжительном молчании. «Если б я был убежден, что могу оказать науке существенную услугу, более важную, нежели какую мог оказать ей прежде, тогда я не явился бы сегодня пред вами», — говорил он своим слушателям в первой берлинской лекции. Но, казалось, как будто твердая уверенность Шеллинга в истине своих новых исследований до тех только пор и могла иметь место в его душе, пока они еще никому им не были сообщены. Едва только успел он окончить берлинские лекции, как его мысль опять поколебалась, опять возникло в нем сомнение в своем призвании, недоверие к началам и выводам своей положительной философии. Он с грустью видел, что впечатление, произведенное всеми его чтениями на слушателей, не соответствует его ожиданиям, что его опыт примирения философии с Откровением и различных философских направлений между собою никого вполне не удовлетворяет, — и он сам начал сознавать, что слишком много важных уступок ожидал от каждой из противных сторон, ни чем их не вознаграждая и даже не выполняя самых существенных требований каждой из них. В то же время он был крайне недоволен частыми применениями его положительной философии, которые были сделаны многими из его слушателей, справедливо замечая, что чрез эти применения добываются результаты не совсем согласные с его намерениями и ожиданиями. Это означало, что или в высказанных им основных понятиях о философии, мифологии и Откровении есть нечто ложное, или они еще недостаточно созрели в его собственном мышлении, и потому он не сумел высказать их ясно, с наукообразною отчетливостью и определенностью. Вообще мы думаем, что вскоре после берлинских лекций Шеллинг очень хорошо понял, что он не в силах выполнить великих обещаний, так торжественно данных им своим слушателям, ни оправдать надежд, им возбужденных в публике, — и без сомнения, неоднократно и горько сожалел о том, зачем он с такою самонадеянностью дал эти обещания и зачем дозволил публике возлагать на него столь огромные надежды. После этого мудро ли, что Шеллинг, обманувшийся в своей самоуверенности, разочарованный в самых теплых и, по-видимому, непоколебимых своих убеждениях, счел наиболее приличным для себя не выдавать в свете своей новой философской системы и молчать

о существенном ее содержании? Имеем ли мы право порицать его за это молчание? Напротив, не должны ли мы видеть в нем свидетельство глубокого уважения философа к истине, его высокой добросовестности, его искренности пред самим собою и пред публикою, во вред собственной славе и своему авторитету в глазах большинства? Шеллинг едва ли не прежде всех своих учеников и слушателей заметил главные недостатки своего учения и, так или иначе, признался в них. В истории наук много ли найдем мы лиц, которые решались бы на подобный подвиг, преодолев внутреннюю тяжкую скорбь о бесплодности своих многолетних трудов и о потере своей славы и даже самоуважения? У историков и критиков новейшей философии вошло в обычай сравнивать Шеллинга с Гегелем, и это сравнение обыкновенно оканчивается унижением первого пред последним. Но в настоящем случае, кого более должно уважать, — того ли, в искренней мысли которого человеческий разум путем собственного многотрудного развития пришел к сознанию своей ограниченности и кто, поняв односторонность отвлеченного логического мышления, всех увлекавшего, счел необходимым для успехов философии призвать на помощь к ней Откровение, — или того, кто, несмотря на множество неудач философствующего разума, обольщенный логическою силою своей мысли, вверился исключительно ее руководству и с гордостью объявил свою систему последнею ступенью общечеловеческого развития, истиннейшим выражением высшего самосознания?.. Шеллинг, долго уступавший первенство своему ученику, стал наконец выше его в истории современной философии, потому что понял недостаточность Гегелева логического мирозерцания, которое, по его словам, может прийти в философии только к отрицательным результатам, — и своею личною славою пожертвовал для того, чтоб доказать необходимость другого пути к живому познанию сущего, кроме пути диалектического развития понятий. Таким образом, в судьбе Шеллинга, в процессе его сознания отпечатлелся внутренний процесс развития всей философии настоящего века, — процесс, много обещавший и обещающий, но доселе не приведенный к концу. Будущее раскроет его результаты; а теперь как вообще о современной философии, так и о философии Шеллинга надобно сказать то же, что некогда Гегель сказал о последней: она доселе еще не созрела и пребывает в труде саморазвития (*Hegel's Vorlesungen über die Geschichte d. Philosophie. Berlin, 1836. B. 3. S. 649.*)

